

Глава 1.5

Шин Сэбёк, который в одночасье превратился из гордого сына в жалкого ребёнка, не мог поднять головы от чувства вины.

— Мама что-нибудь придумает...

Пока Кон Пёнхва проводил каникулы, играя с друзьями и занимаясь опережающей подготовкой по программе старшей школы, Шин Сэбёк ежедневно страдал, принимая различные экспериментальные препараты и подавители.

То ли из-за того, что он пробудился как омега, то ли из-за лекарств, его голова всегда была тяжёлой, а тело вялым.

Несмотря на это, Шин Сэбёк учился, преодолевая сонливость и усталость. Ему казалось, что если он победит Кон Пёнхва, это уменьшит его чувство вины.

Голова была словно каменная, тело обмякало, и его клонило в сон даже стоя.

А когда он видел сны, в этих снах появлялся Кон Пёнхва.

Кон Пёнхва исчезал вдали с самодовольной улыбкой, и это расстояние, казалось, символизировало непреодолимую пропасть между ними. Когда он отчаянно пытался сократить это расстояние, внезапно появлялся его отец, глубоко вздохнул, а затем поворачивался спиной и исчезал.

Шин Сэбёку снились кошмары каждую ночь.

И как раз тогда, когда Шин Сэбёк думал, что хуже уже быть не может, переживая каждый день, словно пробуя на вкус самое худшее, он услышал шокирующую новость, словно гром среди ясного неба.

— Я слышал, их второй сын пробудился как альфа.

Реальность, более страшная, чем его кошмары, внезапно появилась.

Говорили, что Кон Пёнхва пробудился как альфа.

Между ними уже была пропасть, когда он был бетой, а Сэбёк омегой, но теперь он взял и стал альфой.

«Что мне делать...»

Шин Сэбёк пытался убедить себя, что всё будет хорошо, что не будет большой разницы, альфа Кон Пёнхва или бета, что это не так уж важно.

Но этот самогипноз разлетелся вдребезги в день вступительной церемонии в старшую школу.

— Кон Пёнхва. Я слышал, ты пробудился как альфа. Ты вроде не выглядишь иначе?

— Что ты понимаешь...ребёнок-бета.

Он уловил от Кон Пёнхва новый запах, которого раньше не было. И он обнаружил, что испуган тем, как его сердце колотится от этого щекочущего аромата, в который хотелось уткнуться

носом.

Кон Пёнхва действительно стал альфой, а он действительно стал омегой.

Это было похоже на получение смертного приговора.

—

— Это была судьба.

— Почему?

— Мы с Сэбёком невзлюбили друг друга одновременно. У нас были одни и те же эмоции в одно и то же время. Плюс мы были в одном классе. Это, блять, судьба.

«Чёрт. По такой логике, школьная форма — это парные наряды».

Чон Сону почувствовал сильнейшую волну усталости.

Он просто хотел согласиться, призвать остатки своей души, быстро вернуться в дом, который он с таким трудом купил, лечь и получать деньги просто так.

С горой банковских кредитов он не мог поверить, что ему придётся идти на день рождения. Думая, что не стоило приходить на эту встречу, Чон Сону открыл рот:

— Как это называется? Роковое влечение между вами двумя? После многих ссор вы наконец обрели любовь. Раз уж вы начали встречаться ещё тогда, вы, должно быть, усердно скрывали это от всех, как трогательно. Ах, как романтично. Ладно, я приду на первый день рождения, но сейчас мне пора домой....

— О чём ты говоришь?

— А? Что теперь?

— У тебя действительно нет чувства романтики.

Кон Пёнхва цокнул языком и посмотрел на Чон Сону с жалостью.

— Мы прошли все положенные этапы, начиная с флирта. Если бы мы просто начали встречаться сразу после того, как узнали вторичный пол друг друга, это выглядело бы так, будто мы поддались плотскому желанию. У нас всё было так платонически. Не низводи нашу любовь до физического влечения.

Чон Сону собирался возразить: «Тогда просто держитесь за руки, когда спите — как у вас вообще появился ребёнок, если это так?» — но закрыл рот, чувствуя, что это только ещё больше его изматает.

— В любом случае, у тебя совсем нет чувства романтики. Ц-ц-ц-ц.

«Что он говорит? Парень, который застрял в романтической поездке».

Чон Сону молился, чтобы Кон Пёнхва застрял прямо сейчас, но не было никакого бога, который слушал бы Чон Сону, становившегося религиозным только время от времени, когда ему что-то было нужно.

— Видимо, у меня нет другого выбора, кроме как рассказать тебе, как мы сначала флиртовали. Мой бедный друг с твоими мёртвыми романтическими клетками, ты слушаешь?

Кон Пёнхва похлопал Чон Сону по груди, словно сочувствуя ему.

— Нет, я не хочу слушать...

— Это было во время промежуточных экзаменов в первом классе старшей школы.

Кон Пёнхва заговорил, ностальгически глядя на небо с глазами, полными меланхолии.

«Этот придурок...»

—

Веря без тени сомнения, что его единственная ценность — быть соперником Шин Сэбёка, Кон Пёнхва с головой ушёл в учёбу.

Шин Сэбёк всё равно оставался бы их сыном, даже если бы учился плохо, но Кон Пёнхва могли исключить из семейного реестра, если бы он учился недостаточно хорошо.

«Тогда я стану нищим, скитающимся по улицам...»

Кон Пёнхва учился так, будто учёба была единственным, что осталось в его жизни. Он учился так интенсивно, что даже Чон Сону пришлось взять его за руку и отвести в больницу.

Шин Сэбёк был встревожен беспрецедентным поведением Кон Пёнхва.

Он выполнил только половину запланированного на каникулы объёма учёбы, в то время как Кон Пёнхва, который раньше даже не делал вид, что учится, теперь открыто занимался.

Шин Сэбёк, чей разум был пропитан лекарствами, часто дремал на уроках.

Кон Пёнхва, будучи высоким, сидел позади Шин Сэбёка.

Звук перелистывания страниц и скрежет механических карандашей заставляли Шин Сэбёка нервничать. Казалось, кто-то постоянно преследует его сзади.

Даже находясь на пределе физических и моральных сил, Шин Сэбёк добился впечатляющего результата — второго места в школе.

Но он был опустошён тем фактом, что единственным человеком выше него был Кон Пёнхва.

— Разве этот экзамен не был сложным?

— Ага. Был.

— И это говорит парень с такой экзаменационной работой?

— Просто есть вещи...которые детям-бетам знать не обязательно.

Шин Сэбёк не мог не ненавидеть Кон Пёнхва — размахивающего своей работой, полной пятёрок, с его гладким лицом, которое, казалось, не знало усталости, смеющегося, источая крутой запах альфы.

Кон Пёнхва, совершенно не подозревая о чувствах Шин Сэбёка, вернулся домой без сил.

Шин Сэбёк занял второе место. Хотя, возможно, на этот раз он выиграл по счастливой случайности, на выпускных экзаменах это казалось маловероятным.

Шин Сэбёк постоянно клевал носом каждый раз, когда он его видел. Чтобы смотреть на доску, ему неизбежно приходилось смотреть на затылок Шин Сэбёка, и каждый раз эта маленькая голова так сильно крутилась.

«Сколько же он учится по ночам, что его голова крутится, как волчок, весь урок?»

Кон Пёнхва боялся Шин Сэбёка.

Будто в него вселился призрак учёбы.

И он возмущался своими родителями. Если они хотели, чтобы он сражался, надо было подбирать соперника в той же весовой категории — сталкивать его с призраком учёбы казалось слишком жестоким.

Как только экзамен закончился, Кон Пёнхва неохотно открыл свои листы с задачами, чуть не плача.

Он прочитал так много книг, что буквы, казалось, шевелились. Испытав зрительные иллюзии, которых никогда раньше не чувствовал, Кон Пёнхва по-новому осознал, насколько интенсивным был Шин Сэбёк.

«Выглядит таким невинным, а сам занимается этим с пяти лет. Какой настойчивый гад. Надо было понять, когда он полностью проигнорировал меня, когда я пытался заговорить».

Даже обида из пятилетнего возраста всплыла наружу.

Кон Пёнхва учился с дрожащими руками, и его семья не могла скрыть своего изумления при виде этого.

— Я же говорила тебе не заставлять его учиться.

— Он сошёл с ума, он сошёл с ума...

— Его что, в школе травят?

— Я дома...

Проиграть дважды — это уже не ошибка. Он больше не мог трусливо оправдывать это случайностью.

Говорили, что не будет большой разницы по сравнению с бетой, если он будет правильно принимать лекарства, но, может, лекарство ему не подходило?

В любом случае, он проиграл.

Он проиграл Кон Пёнхва.

Действительно проиграл.

Хотя он старался изо всех сил, выжимая из себя всё, этого было недостаточно. Чтобы победить, надо было учиться ещё вместо того, чтобы чувствовать эту пустоту, но он не мог.

Глаза слишком высохли, а голова была тяжёлой. Тело обмякло, живот, казалось, болел, и всё тело ломило, будто его избивали.

— Сэбёк ты до—, Сэбёк? Сэбёк? О, господи!

Мама Шин Сэбёка обнаружила его дрожащим в гостиной и в шоке подбежала.

Она собиралась немедленно вызвать скорую, пронзительно вскрикнув при виде Сэбёка, который сильно потел и дрожал в ознобе, но Сэбёк схватил её за руку.

— В больницу, тебе нужно в больницу, хорошо?

Казалось, поход в больницу не решит проблему. Нижняя часть тела уже некоторое время покалывала. В животе бурлило, и внутри разливался жар.

«Так вот что такое течка».

Проблема, по-видимому, заключалась в том, что он ненадолго прекратил принимать лекарство, потому что хотел полностью сосредоточиться на экзамене.

— Думаю, мне просто нужно принять больше подавителей. Сегодня я просто..был слишком напряжён....

Когда Сэбёк замолчал, его мать в тревоге затопала ногами.

Сэбёк с детства был болезненным. Можно сказать без преувеличения, что нынешний Сэбёк был продуктом тщательной заботы его матери.

Мать Сэбёка и раньше чувствовала, как её сердце падало даже от малейшего его кашля.

— Сэбёк, если ты болен, тебе нужно в больницу. Особенно потому что ты омега...

— Мама, пожалуйста.

Сэбёк прервал слова матери.

«Особенно потому что ты омега». Он точно знал, что последует за этими словами, и не хотел этого слышать.

— Со мной правда всё в порядке. Я просто устал. Я отдохну.

<http://bllate.org/book/17004/1578828>